

УДК 821

**ФЕНОМЕН ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ МИФ
В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XVIII–XIX ВЕКОВ****М.А. АНИСИМОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируется образ Томаса Чаттертона в английской поэзии XVIII–XIX веков. Рассматривается своеобразие восприятия личности и творчества поэта в художественных произведениях этого периода, а также связанный с его образом ряд проблем социального и культурного характера, поднятых в произведениях Т. Кери, С.Т. Кольриджа, Э. Раштона, М. Робинсон, У. Вордсворта, Дж. Китса и Д.Г. Россетти. Особое внимание уделяется многообразию художественных средств, используемых авторами для создания трагического и возвышенного образа поэта, а также рассуждениям о внешней и внутренней стороне поэзии и искусства вообще. На основании проанализированного материала делается вывод о романтизации феномена Чаттертона и о его значимости не только как поэта, стоящего у истоков романтизма в своем творчестве, но и как поэтического образа, вдохновлявшего поэтов различных литературных эпох.

Введение. Томас Чаттертон (1752–1770) – поэт, драматург, сатирик, один из самых загадочных и уникальных писателей в английской и мировой литературе. В основном приобрел известность как автор псевдосредневековой мистификации «Поэмы Роули», как поэт, не получивший должной оценки своего творчества и рано ушедший из жизни по собственной воле, приняв яд. Жизнь и смерть поэта покрыты тайной и полны противоречий. Многие факты о нем известны благодаря эпистолярному роману Г. Крофта «Любовь и безумие» (1780), в который он включил документальное повествование о Чаттертоне и его переписку. Большое значение в изучении его жизненного и творческого пути имеют биографические труды Т. Тирвитта, В. Скитта, Р. Саути, В. Скотта, Д. Дикса, Дж. Ингрэма. Тем не менее крупный современный исследователь Чаттертона профессор Ник Грум утверждает, что многие из этих работ, особенно биография, написанная Д. Диксом, являются мистификацией, художественным вымыслом, как и последний стих Чаттертона перед смертью «Прощай Бристолия» [8]. Следовательно, споры о личности Чаттертона продолжаются и по сей день. Он человек-загадка. Никто не знает наверняка, как жил поэт, при каких обстоятельствах покончил с собой в столь юном возрасте, и где теперь его могила. Нет даже точного портрета Чаттертона, сделанного при жизни. Поэтому наше представление о поэте – это во многом плод художественного воображения. Воспринимать Чаттертона можно либо через его собственные работы, либо через художественные произведения, главным героем которых он является.

Основная часть. Феномен Чаттертона заключается в его многозначности. Не только оригинальное творческое наследие поэта привлекало внимание его последователей, сам Чаттертон, его юный возраст и загадочная смерть вызвали, пожалуй, гораздо больший интерес. Его судьба проникнута духом романтики. «Чаттертон – идеальный герой романтической литературы, – считает британский историк Джон Уайтхед, – гениальные способности, нужда, страдания, ранняя смерть, театральность поведения, наконец, сама маска, которую он по доброй воле надел на свое лицо, тайна, окружавшая его» [5, с. 15]. Образ Чаттертона становится созвучным настроению и веяниям романтизма. Молодой, гордый, непризнанный, доведенный до отчаяния – таким его увидели романтики С.Т. Кольридж, Д. Китс, У. Вордсворт и многие менее известные поэты романтической эпохи, Э. Раштон, М. Робинсон, Т. Кэри. Собрание его произведений одним из первых издал Р. Саути; Дж. Китс посвятил ему поэму «Эндимион». Позже к романтизированному мифическому образу Чаттертона обратились прерафаэлиты Д.Г. Россетти в сонете «Чаттертон» и художник Г. Уоллис, создавший визуальный образ «прекрасного юноши», утонченного, рыжеволосого, измученного страданиями, то есть такого, каким его видели или хотели видеть.

Моментально на смерть друга отреагировал Томас Кери в «Элегии памяти покойного Томаса Чаттертона из Бристоля» (Thomas Carey «Elegy to the Memory of Mr. Thomas Chatterton, Late of Bristol» *Town and Country Magazine* 2 (October 1770)). Для него это была особенно горькая потеря, так как с Чаттертоном его многое связывало: «*Then how can I but feel the dire effect, //Where infancy began the social tie, //Which full increas'd – (void of the least defect) //As each revolving year did multiply. //Tho' great the loss to me – heav'n knows how great!*»¹[6]. Поэтому произведение получилось особенно трогательным и эмоциональ-

¹ Ну как же мне не ощущать столь горькую потерю //Ведь в раннем детстве зародилась эта связь //И после лишь сильнее становилась – (не зная никаких раздоров) //И год за годом узы дружбы крепи неизменно //Ах, как же велика потеря для меня – Лишь Богу одному известно как! (Здесь и далее перевод наш – М. А.).

ным. Но кроме эмоционального изложения личной трагедии, Кери первым отметил значение творчества Чаттертона, который воскресил национальное прошлое своей страны и в возвышенной манере преподнес его читателю, используя свой поэтический дар: «*His lofty numbers, how sublimely great! //Lifting the ravish'd sense to heights supreme, //Again with fancy-printed woes elate, //He shews the passions of the tragic theme... To truths long dead, he gave a second birth, //Rescuing from oblivion occult stores; //Treasures within the bowels of the earth // Unheeded by the vulgar mind – explores*»² [6]. Автор восхищается тем, как Чаттертон воскресил исторические богатства, преданные забвению «вульгарными и невежественными» умами, гордившимися тем, что живут в эпоху разума и знаний, но при этом не проявляющих ни малейшего уважения к своему национальному прошлому. Кери с негодованием скорбит о смерти своего друга. И винит общество и государство, называя Чаттертона «чудом нашего обреченного острова» («*The wonder of our drooping isle*»), где человек, творчески одаренный, непременно обречен. Друг и поклонник Чаттертона прекрасно осознал, какого гения потеряла Англия и каких недостижимых творческих высот мог бы достичь этот поэт, сохрани он себе жизнь: «*Had but his tender budding genius thriv'd, //Still blooming on, spite of the frosty blast; //Till ripen'd into manhood still surviv'd, //The fruits full ripe – how rich the sweet repast!*»³ [6].

Трагическая судьба и яркий талант не оставили равнодушным Семьюэла Кольриджа. В возрасте 18 лет он впервые пишет произведение «Монодия на смерть Чаттертона» (“*Monody on the Death of Chatterton*”), которое впоследствии переписывает и совершенствует на протяжении всей жизни, что свидетельствует о значимости личности Чаттертона, его творчества и тех проблем и идей, которые возникли в связи с его феноменом. Существует шесть версий монодии (1790, 1794, 1796, 1830, 1834). Самая удачная, законченная и зрелая – последняя, когда автор уже не просто находился под юношеским впечатлением от произошедшего с Чаттертоном, но и прожил жизнь, прочувствовал, каково это быть поэтом, и столкнулся с проблемами, которые могут выпасть на долю человека. Стихотворение начинается с размышлений Кольриджа на тему смерти и бренности бытия: «*Oh, what a wonder seems the fear of death //Seeing how gladly we all sink to sleep... //But doubly strange where life is but a breath //To sigh and pant with, up Want's rugged steep*»⁴ [7]. Кольридж видит в смерти освобождение от земных страданий, имея в виду Чаттертона, который нашел в вечности свой покой. С присущим ему пылом он создает образ молодого поэта и наделяет Чаттертона множеством романтических метафорических имен, таких как: “*Heaven born Genius*” //«порожденный небесами гений», “*Sublime of thought and confident of fame*” //«Находящийся в полете мыслей и уверенный в своей славе», “*light-hearted youth*” //«беззаботный юноша», “*Sweet Flower of Hope*” // «милый цветок надежды», “*Free nature's genial child!*” «свободное гениальное дитя природы». Кольридж рассказывает о том, что молодой Чаттертон был полон надежд, смотрел в будущее с оптимизмом и высоко парил в своих мечтах и амбициях: “*Wings grow within him; and he soars above*”. Преисполненный размышлений о тяжести жизненного пути гения в жестоком и несправедливом мире поэт сравнивает Чаттертона с цветком, прекрасным, но хрупким, сломанным под напором «ветра жизни». По-отечески воспринимает Кольридж образ поэта. В произведении постоянно встречаются существительные «сын», «дитя», «цветок». Автор преклоняется перед даром поэта, он жаждет обладать таким же талантом, но нелегкая судьба, которой приходится расплачиваться за гений, одновременно пугает его, и он обращается к высшим силам с просьбой наделить его мудростью и терпением, чтобы справиться с этой нелегкой долей: “*Grant me, like thee, the lyre to sound //Like thee with fire divine to glow; But ah! when rage the waves of woe, //Grant me with firmer breast to meet their hate, //And soar beyond the storm with upright eye elate*»⁵ [7].

Кольридж использует яркие эпитеты и персонафикацию смерти и называет ее “*Grim Phantom*” //«ужасный призрак» и “*Scorpion King*” //«князь скорпионов», “*Despair and Indignation*” //«безнадежность и негодование» как сильнейший темный контраст к его “*Spirit blest*” //«благословенному духу». Сцены смерти поэт преподносит в очень напряженной, экспрессивной форме. Пытаясь прочувствовать состояние юноши, решившегося на столь отчаянный шаг, он переносится назад во времени, оказываясь рядом: “*And oft, in Fancy's saddest hour, my soul /Averted shudders at the poison'd bowl.. //Now groans my sickening heart, as still I view /Thy corpse of livid hue; // Now Indignation checks the feeble sigh, /Or flashes through the*

² Его великолепные стихи возвышенно прекрасны так /Поднимают восторженные чувства на недостижимые высоты //И полон фантазии и скорби /Он демонстрирует бурю трагических страстей //Давно уж погребенной правде он второе дал рождение /Спасая тайные сокровища от праха //И чаши мира клады он искал, что варварским мышленьем забвенью были преданы. (Перевод наш – М. А.).

³ Ах если б нежный гения бутон его расцвел /И дальше б процветал, всем холодам и ветрам вопреки //И превратился б в зрелый плод, пройдя невзгоды все // Каким бы сладким был тот спелый плод. (Перевод наш – М. А.).

⁴ Не странно ли, что смерть душе страшна? Ведь с легким сердцем предаются сну //За ночью ночь, до гробовой межи /младенцы, дети, юноши, мужи /но дважды странно, если жизнь дана /Как краткий вдох в пути на крутизну. (Перевод – А. Парина) [3].

⁵ Дай мне с таким же торжеством, //Как ты, владык высоким даром /Дай противостоять ударам, /Пред бурю судьбы не оробеть /И ясный, трезвый взор не утратить и впредь! (Перевод – А. Парина) [3].

*tear that glistens in mine eye!»*⁶ [7]. И здесь автор ставит себя на место поэта, пытаясь представить, как это, должно быть, было нелегко попроситься с собственной жизнью. Итак, он переживает сам его мучения, терзания, сомнения по поводу правильности своего нелегкого выбора. Он мечется между жизнью и смертью, любовью и ненавистью. Здесь Кольридж представляет любовь в образе сестры поэта и его убитой горем матери, которые были так дороги Чаттертону. Но давление “*Despair and Indignation*” (безнадёжности и отчаяния) настолько велико, что, в конце концов, Чаттертон сдается и выбирает смерть.

Кольридж (в отличие от многих критиков и историков) не называет Чаттертона мистификатором, но видит в нем, прежде всего, поэта и творца. Автор выступает в защиту поэтической правды его творчества, воссоздает процесс создания стихов, раскрывает их динамичность, красочность, оригинальность, уделяя особое внимание одному из его лучших произведений, драме «Аэлла»: “*He meditates the future song, /How dauntless Aella fray’d the Dacyan foe; //And while the numbers flowing strong /In endless whirl, in surges throng /Exulting in the spirits’ genial throe /In tides of power his life-bloom seems to flow*”⁷ [7]. Создание произведения Чаттертоном в представлении Кольриджа – это захватывающий водоворот действия, ритма и воображения, которые выливаются в мощный поток поэзии. Также автор обращает внимание на смысл его произведений, на важность и актуальность проблем, поднятых в его творчестве: “*And now his cheeks with deeper ardors flame, /His eyes have glorious meanings, that declare /More than the light of outward day shines there, /A holier triumph and a sterner aim! //Or Bard’s or Minstrel’s lay of war or love. //Friend to the friendless, to the sufferer health, /He hears the widow’s prayer, the good man’s praise; //To scenes of bliss transmutes his fancied wealth, /And young and old shall now see happy days*”⁸ [7].

Монодия – очень экспрессивное и глубокое произведение, посвященное Чаттертону, поэту и человеку. Автор пишет от первого лица, для него судьба Чаттертона – это личная трагедия. Кольридж постоянно акцентирует внимание на жестокости и несправедливости, с которыми столкнулся поэт на своем жизненном пути. Он напрямую обвиняет коррумпированное и лишенное ценностей общество и государство. Именно они обвиняются в смерти Чаттертона: “*coward Wealth and Guilt in robes of State*” – в том, что отвергали его, растоптали его талант. Так же они поступили и со Спенсером, и Отвеей досталась та же участь: “*Is this the land of song-ennobled line? //Is this the land, where Genius ne’er in vain //Pour’d forth his lofty strain? //Ah me! yet Spenser, gentlest bard divine /Beneath chill Disappointment’s shade, //His weary limbs in lonely anguish lay’d //And o’er her darling dead /Pity hopeless hung her head, / While ‘mid the pelting of the merciless storm, //Sunk to the cold earth Otway’s famish form!*”⁹ [7]. Эти строки, полные негодования, производят на читателя невероятно сильное впечатление. Вопросы Кольриджа о том, действительно ли Англию можно назвать землей, лелеющей литературный талант, колыбелью поэзии, становятся риторическими. Выступая в защиту гения, не сумевшего найти себе место в этом обществе, Кольридж с гневом обрушивает проклятия на социум, желая всей силой эмоций хоть как-то повлиять на него: “*Away, Grim Phantom! Scorpion King, away! //Reserve thy terrors and thy stings display / For coward Wealth and Guilt in robes of State!*”¹⁰ [7].

Кроме того, трагедия Чаттертона в монодии носит еще и социальный характер. Кольридж, как и многие другие поэты, связал его имя с ужасной политической и социальной обстановкой в стране, которые и довели поэта до нищеты и отчаяния. Из-за нестабильной политической ситуации люди покидали свою родину и уезжали в Америку в поисках свободы и лучшей жизни. Кольридж также решает переехать в Новый Свет вместе со своим другом и поэтом Робертом Сауги. Мечтой Чаттертона было построить новый литературный и художественный мир. Поэтому автор сожалеет, что молодой поэт не сможет отправиться в это путешествие вместе с ними, так как его поэзия, наполненная духом свободы и романтики, стала бы прекрасным источником вдохновения в этом далеком путешествии к мечте: “*Yet will I love to follow the sweet dream, /Where Susquehannah pours his untamed stream; //And on some hill, whose forest-frowning side /Waves o’er the murmurs of his calmer tide, / Will raise a solemn Cenotaph to thee, /Sweet Harper*

⁶ И часто в черный час воображенья //Над ядом застываю в отвращенье, //И тошно мне – я трепещу над телом, //Распухшим, посинелым, // Хоть гнев рыданиям воли не дает //И разве что слезой на кромке глаз блеснет. (Перевод – А. Парина) [3].

⁷ Наперник Мысли, баловень Фортуны, //Покинул Эйвон сладкопевец юный. //С душою легкой он летит вперед //И звучный стих стремится в полет //О том, как Элла смел в бою с врагами. //Бурлит, клокочет и поет //Шальных стихов водоворот, //И в пляске с бесноватыми стихами //Вскипает в жилах кровь, горячая, как пламя. (Перевод – А. Парина) [3].

⁸ И мощью дышит вымысел высокий. //Вот выросли крыла – и он стремглав //Взмывает ввысь для песенных забав //Отрада сирым, страждущим балзам, //Он слышит плач вдовы и стон калеки; //Он вымысел стремится к таким мирам, //Что вытравляет горе в человеке. //Какую мощь для слабых он припас, //Какую ширь – для узнических глаз! //Отчизне верен, он берет клинок – И укрошен тиран, и распростерт у ног. //Стихий свободных вдохновенный сын! //Цветок, явивший миру слишком рано //Свой аромат неповторимо пряный! (Перевод – А. Парина) [3].

⁹ Не здесь ли люди в песнях знали толк? //Не здесь ли были истари поэты вниманием согреты? //Но все же голос Спенсера умолк, //И утомленное борьбою тело //От одиночества окоченело. //И Отвзя удел //Тихий хор стихий отпел, //Когда под грохот бури беспощадной //Сразил поэта голод кровожадный (Перевод – А. Парина) [3].

¹⁰ Прочь, злобный призрак! Царь чудовищ, сгинь! //Лавину тьмы и ужасов низринь //На преступленья в мантиях державных! (Перевод – А. Парина) [3].

of time-shrouded Minstrelsy!"¹¹ [7]. Автор видит в Чаттертоне не только талант, безвременно ушедший в небытие, но и единомышленника. В своем произведении он подводит читателя к мысли о том, что если бы трагически не оборвалась жизнь Чаттертона, то он смог бы занять достойное место в ряду поэтов нового направления, а именно романтизма: *"O Chatterton! that thou wert yet alive! // Sure thou would'st spread the canvass to the gale, / And love with us the tinkling team to drive / O'er peaceful Freedom's undivided dale"*¹² [7].

«Монодия на смерть Чаттертона» – это прежде всего произведение о нелегкой судьбе поэта, протест против невежества и жестокости общества, которое готово унижить гения и растоптать его тонкую ранимую душу, бросить его на произвол судьбы, заставляя его бороться за существование вместо того, чтобы развивать и совершенствовать свой талант.

Эта же проблема волновала не только Кольриджа. Менее известное, но не менее экспрессивное и глубокое, богатое в художественном и идейном плане произведение «Позабитый гений» Эдварда Раштона (Edward Rushton, 1756–1814) появилось в 1787 году. Строчки поэзии Раштона, также поэта, выбравшего нелегкий жизненный путь, ставшего борцом за правду и, как следствие, за выживание, проникнуты восхищением поэзией Чаттертона и личной болью за его судьбу. Как и монодия Кольриджа, произведение Раштона наполнено невероятным количеством эпитетов, которые автор применяет для передачи настроения стихотворения, то печального и трагического, то воинственного и оптимистичного. А также велико количество и разнообразие сравнений и метафор для создания образа поэта: *"Heavens! that a genius such as thine, / Equal to every vast design, / A genius form'd in Shakspeare's mould, / Untutor'd, piercing, clear, and bold"*¹³ [12, с. 150]. Поэт признает масштаб личности и таланта Чаттертона и смело сравнивает его с Шекспиром. Как и последний, бристольский поэт не был учен, но зато его творчество, такое яркое, дерзкое, насыщенное, стало плодом врожденного таланта. Раштона завораживает его творчество, рожденное в атмосфере готики и средневековья, такого сказочного и столь разнообразного, живого: *"In lonely paths, and church-yards drear, / When shrouded pale-eyed ghosts are seen. // When many a wild note strikes the ear, / From fairies rev'ling on the green, / Then didst thou oft with daring fire, / Sweep o'er the solemn gothic lyre; // Then, whilst the broad moon lent her aid, / To times long past thy fancy stray'd, / Then Hasting's field was heap'd with dead, / And Birtha mourn'd, and Baldwin bled;"*¹⁴ [12, с. 153]. Но все эти необыкновенные творения оказались напрасными и никому не нужными. Поэт был всеми брошен на земле, и имя его осквернялось даже в могиле: *"Yet what to thee did poesy produce, / Why – when on earth neglect, when in the grave abuse"*¹⁵ [12, с. 154]. Не мог автор не передать в трагических красках судьбу поэта: *"Unshelter'd, wither'd, scarcely blown, / Thus like a blasted flower he fell, / Thus pin'd, unnotic'd or unknown"*¹⁶ [12, с. 158]. Гений поэта сравнивается с едва распустившимся бутонем, цветком, незащищенным от непогоды, незамеченным и раздавленным.

Кроме богатой художественной и стилистической ценности произведение имеет широкий проблемный характер. Социальные, политические, культурно-эстетические вопросы современности волновали как Раштона, так и его единомышленников. И образ Чаттертона, его судьба и творчество в этом смысле стали лучшим катализатором идей. Так, автор рассуждает о поэзии как о прекрасном, возвышенном литературном занятии, но таком коварном и обманчивом в своей манящей прелести, таящей боль и лишения. Он называет поэзию блуждающим огоньком напрасной надежды: *"Oh poesy! Delusive power, / Thou ignis fatuus of the soul, / Thou syren of the solemn hour, / That lurest full oft to scenes of dole, / Oh how seducing are thy smiles, / How powerful all thy witching wiles, / Yet in the foldings of thy train, / Lurk squall'd want and mental pain;"*¹⁷ [12, с. 150].

Раштон с негодованием говорит о бедности и нужде, «заслонивших трагической вуалью» не одного гения человечества. Автор это делает в разнообразной художественной манере, иносказательной фор-

¹¹ Но есть мечта, к которой дух стремится, – К потоку Сасквеханны удалиться //И на холме, чей беспокойный бор //Ведет с речною гладью долгий спор, //Смиранный кенотаф тебе поставить, //Чтобы певца погибшего восславить... (Перевод – А. Парина).

¹² О Чаттертон! О, если б ты был жив! //Я знаю – дав отпор печали тяжкой, //Ты вместе с нами бы меж мирных нив //На воле правил звонкою упряжкой. (Перевод – А. Парина) [3].

¹³ О, небеса / Возможен ли в природе дар, подобный твоему //сравнить который можно с любым великим образцом //Фигура гения, отлитая по форме Шекспира /Не знавший книжного ученья, но колкий, смелый и лихой. (Перевод наш – М. А.).

¹⁴ На тропях одиноких мрачного церковного двора /Где духи с бледными глазами таинственно блуждают, в саван облачась //Когда таинственные звуки доносятся отовсюду /И игры фей слышны в тиши / Тогда и ты под пылким вдохновением / Гладил струны своей торжественной готической лиры // А пока полная луна дарила тебе свой свет / Ты отправлялся по дорогам своей фантазии во времена давно ушедшие / И тогда Гастингское поле было усыпано телами павших воинов/ И горевала Берта, и Болдвин кровью истекал. (Перевод наш – М. А.).

¹⁵ И что же для тебя сделала поэзия / Почему позабыт на земле и осквернен в могиле? (Перевод наш – М. А.).

¹⁶ Незащищенный, увядший, едва распустившийся / Как сорванный цветок он пал / Такой измученный, отвергнутый, безвестный. (Перевод наш – М. А.).

¹⁷ О, поэзии обманчивая сила, призрачная мечта души / Ты Сирена торжественного часа/ Которая заманчиво влечет в долину скорби / О как же соблазнительна твоя улыбка / Как же сильны твои колдовские чары /И все-таки в изгибах твоего шлейфа / Таятся отчаянная нужда и душевная боль. (Перевод наш – М. А.).

ме с множеством эпитетов: *“Ah penury! thou chilling sprite, // Thou pale depressor of the mind, / That with a cloud opaque as night, / Veil’st many a genius from mankind”*¹⁸ [12, с. 161]. В очередной раз рассуждает поэт о несправедливости и жестокости общества, готового больно «ужалить», растоптать и унижить гения, обречь его на голод и одиночество: *“Stung by the world’s neglect and scorn, // While conscious merit fir’d his mind, // Unfriended, foodless, and forlorn, // With lowering eye the bard reclined;”*¹⁹ [12, с. 156]. Как и во многих романтических произведениях, посвященных Чаттертону, в стихотворении Раштона грядущая смерть, самоубийство, агония носят персонифицированный и метафорический характер. Во-первых, загадочные обстоятельства, при которых поэт ушел из жизни, просто не могли не разбудить воображение романтиков и не создать этот жуткий, но возвышенный образ смерти как некой сущности, сильной и коварной. Стоит проявить малодушие и слабость, а она уже тут как тут: Во-вторых, такое пристальное и детальное внимание к светлому образу Чаттертона и темному, жестокому – смерти – носило идейный характер. Устрашающая сцена вызывает к силе и мудрости любого начинающего художника, вступившего на нелегкий путь борьбы за возвышенные идеалы искусства. Вот какой вывод делает Раштон после долгой, расписанной во всех красках сцене самоубийства Чаттертона: *“Gaze too ye ardent sons of song, / Whom haply cold neglect has stung, / And when ideas black and sad arise, / Should Suicide appear – oh! spurn him and be wise!”*²⁰ [12, с. 159].

Явный сторонник взглядов революционного в эстетическом и идеологическом плане поэта и нового романтического направления в искусстве, Э. Раштон не мог не затронуть и не раскритиковать господствовавшие в то время просветительские ценности, в рамки которых поэзия Чаттертона просто не вписывалась и потому оказалась маргинальной, чуждой пониманию большей части аудитории: *“Should pour in these enlighten’d days, // On Britain’s ear, such matchless lays // Yet find on British ground neglect and woe, // And envy’s cankering sting, when in the grave below!”*²¹ [12, с. 150]. Таким образом, в очередном произведении Чаттертон становится гонимым гением, которому нет места на земле. Образ поэта и его творчество настолько высоки и прекрасны, что единственное спасение для них – уйти из этого бренного мира, отстраниться от жестоких «судей», возвыситься над всем, что порочит доброе имя: *“Be firm, these sordid reptiles spurn, (Oh Phoebus’ glowing son!) and to thy sire return.”*²² [12, с. 157].

Мэри Робинсон (1758–1800), поэтесса XVIII века, подняла в своей «Монодии в память о Чаттертоне» (1791) тему трагедии творческого человека, к которому настоящая слава и признание могут придти только после лишений, мучений и смерти: *“A POET’S life is one long storm of cares, // Which lasts existence, then he’s thrown on shore: – The sea is calm, and Fame resplendent shines, // The sun breaks forth, alas! when HE’S NO MORE”*²³ [10]. Проблемный вопрос на эту же тему задает Элиза Спенсер в своем небольшом стихотворении, написанном после прочтения панегирика о Чаттертоне: *“Who would not suffer thy Distress, / Could they obtain thy deathless Praise”*²⁴ [14]. Бессмертная слава в искусстве достигается лишь путем страдания и мук.

Ода Джона Скотта Амвельского (John Scott of Amwell, «Ode. Written after a Journey to Bristol», 1782) представляет интерес в том смысле, что, написав ее в 1782 году, когда про Чаттертона еще мало было известно, он уже отобразил в яркой поэтической манере особенности его жизни, творчества и характера, некоторые биографические факты, которые позже стали доступны широкому кругу читателей из его писем и воспоминаний друзей и близких: *“Though Fortune all her gifts denied, // Though Learning made him not her choice, // The Muse still placed him at her side, // And bade him in her smile rejoice // Description still his pen supplied, // Pathos his thought, and Melody his voice!”*²⁵ [9]. Из этих строчек можно получить полную картину становления Чаттертона как поэта и человека, обездоленного, но крайне одаренного. Мы узнаем, что он «горд и знает себе цену, и сам облачил себя в венец славы» (*“Conscious and proud of merit high,*

¹⁸ Ах, нищета! Ты – дух вызывающий озноб / Ты – бледное угнетение души / Что облаком чернее ночи / Укрыла многих гениев человечества. (Перевод наш – М. А.).

¹⁹ Ужаленный презрением и ненавистью мира / Он с горечью осознал достоинства потерю // Совсем один, голодный, жалкий / С поникшей головой наш сдался бард. (Перевод наш – М. А.).

²⁰ Смотрите же и вы, сыны пылкой песни / Кого ужалило холодное презренье // И когда мысль простится с жизнью печальна и черна возникнет вдруг / О! Гоните прочь ее и будьте вы мудрее. (Перевод наш – М. А.).

²¹ Стоит ли в наши просветительские дни / Балладами британский утонченный слух пытаться усладить // Чтобы в ответ обречь презренье и печаль // И зависти язвительное жало почувствовать уж будучи в могиле. (Перевод наш – М. А.).

²² Будь твердым и отбрось рептилий этих жалких от себя (О, светлый сын Фебуса!) и возвратись же к своему отцу (в данном случае на небо к богу солнца) (Перевод наш – М. А.).

²³ Поэта жизнь – это забот сплошная буря / Которая его сначала поглотит спешит, а после выбросит волной на берег славы // И затихает шторм тогда, и всеобщее признание великолепием сияет / И солнце славы ярко светит, но, увы / ЕГО УЖ НЕТ В ЖИВЫХ. (Перевод наш – М. А.).

²⁴ Кто не познал твоих страданий / Способен ли тот получить бессмертную хвалу? (Перевод наш – М. А.).

²⁵ И хоть фортуны колесница к нему не двинулась навстречу // И пусть высокий мир ученый его не принял в подмастерья // Но Муза дивными крылами его укрыла / И пригласила познать творенья радость // И ярких образов исполнено его перо / Высоки мысли и лиричен голос. (Перевод наш – М. А.).

//*Fame's wreath he boldly claim'd to wear;*”), но «Нищета», так же как и «Смерть», «злобно ухмыляясь», стала непреодолимым у него на пути.

Еще одним ярким представителем лирического романтизма, проявившим большой интерес к творчеству Чаттертона, был Уильям Вордсворт. Его произведение «Решимость и Независимость» («*Resolution and Independence*», 1807) – очень глубокое философское стихотворение. Оно отличается от многих произведений, посвященных поэту, носит более умеренный и философский характер. Это не произведение о Чаттертоне, автор не высказывает восхищение его талантом и не скорбит о безвременной кончине. Он воспринимает феномен Чаттертона с более приземленной и практической точки зрения. Вордсворт твердо верил в мудрость и смекалку того, кого он называл «*the common man*» (простым человеком). Простые люди воспринимают реальность с практической точки зрения. Всю свою жизнь они тяжким трудом добывают свой хлеб. Они закалены жизнью и поэтому не поддаются превратностям судьбы. Они просто целенаправленно и с великим упорством делают свое дело, и у них просто нет времени задуматься о несправедливости, разочароваться в своей жизни, потерять веру. Вордсворт восхищается этими качествами и уважает их. Поэтому он предлагает не сдаваться перед лицом трудностей, а учиться твердости, стойкости и трудолюбию. В понимании автора именно недостаток терпения и житейской мудрости заставили Чаттертона уйти из жизни. В гордыне и стремлении к славе он забыл, что оные добываются тяжелым упорным трудом: “*My whole life i have lived in pleasant thought /As if life's business were a summer mood //As if all needful things would come unthought /To genial faith, still rich in genial mood //But how can He expect that others should /Build for him, sow for him, and at his call /love him, who for himself will take no heed at all //I thought of Chatterton, the marvelous Boy, /The sleepless Soul that perished in his pride /Of him who walked in glory and in joy, /Following his plough, along the mountain side*”²⁶ [11]. Однако вскоре настроение произведения меняется, как и сама жизнь Чаттертона, столкнувшегося со страшной действительностью. Вордсворт обобщает трагедию Чаттертона, перенося ее на всех поэтов, чьи мечты и воззрения не соответствуют действительности: “*We Poets in our youth begin in gladness; /But thereof come in the end despondency and madness*”²⁷ [11].

Жизнь поэта не всегда радостна и безоблачна. Мир искусства красив только снаружи, но очень часто он скрывает разочарование, боль, стресс, трагедию. Тонкая, восприимчивая душа поэта не способна адаптироваться к грубой, подчас суровой действительности, уметь выживать в мире реальном, а не вымышленном, где идеалы и справедливость находят свое почетное место. Чаттертон решил убить себя в момент сильнейшего разочарования. Человек в самом расцвете сил, не смог справиться с трудностями жизни, не сумел побороться за себя, добиться признания посредством усердной, непрестанной работы. Он выбрал более легкий путь и просто ушел. Вордсворт сочувствует молодому поэту, тот был слишком одержим амбициями, слишком неблагоразумен, пришел в литературный мир слишком рано, чтобы суметь понять его и преодолеть все препятствия на пути к успеху.

В 1814 году к образу Чаттертона обращается Джон Китс, которому было всего девятнадцать лет. Вообще Чаттертон во многом стал источником творческого вдохновения для Китса. Не только жизни поэтов оказались чрезвычайно похожими: оба молоды, талантливы, рано ушли из жизни, но и в творческом плане у Китса многое было сопряжено с поэтическими открытиями Чаттертона. Влиянию Чаттертона на творчество Китса посвящено диссертационное исследование П. Дайнли. Автор создает невероятно гармоничный и красивый «Сонет Чаттертону», весьма близкий по духу произведениям его предшественников: “*O Chatterton! How very sad thy fate! //Dear child of sorrow – son of misery! //How soon the film of death obscur'd that eye, /Whence Genius mildly flash'd, and high debate*”²⁸ [9, с. 2].

Как и в произведении Кольриджа, Раштона, Кери, здесь четко определяется виновник трагической судьбы поэта – это общество, не оценившее и не принявшее поэта. А Чаттертон согласно сложившейся уже романтической традиции обретает возвышенный прекрасный образ полураспустившегося цветочного бутона, загубленного холодными ветрами: “*A half-blown flow' ret which cold blasts amate*”. И вновь смерть, и вознесение к небесам над «неблагодарным миром» становятся единственным избавлением от страданий. Единственное, что скрашивает настроение автора, это то, что Смерть не смогла забрать главного – плоды превосходного творчества, поэзию, которая вечна: “*But this is past: thou art among the stars /Of highest Heaven: to the rolling spheres /Thou sweetly singest: naught thy hymning*

²⁶ Я думал о приятностях всегда /как будто в жизни лето круглый год //Как будто хлеб насыщенный без труда / мне вера в гениальность принесет //Но кто прожить стремится без забот /как смеет ожидать, что для него //Другие сеют, жнут и любят лишь его //То были: милый мальчик Чаттертон /С живой душой, кто гордо принял яд; (Перевод – А. Лукьянова) [5].

²⁷ Поэт – Всегда восторженный юнец /но ждет его бессмысленный конец. (Перевод – А. Лукьянова) [5].

²⁸ О, Чаттертон! Сыну грусти и печали! //Как рано свет в глазах твоих потух! //Рожденный гением, священный дух /Померк в тиши, едва его зачали. (Перевод – В. Левика) [2].

mars, /Above the ingrate world and human fears. //On earth the good man base detraction bars /From thy fair name, and waters it with tears."²⁹ [9, с. 3].

В 1880 году представитель прерафаэлитов Данте Габриэль Россетти также обращается к личности Чаттертона. Его представление о поэте носило чрезмерно романтический и сентиментальный характер, что, естественно, было обусловлено характером того времени и образом, созданным романтиками столетие назад. Россетти публикует пять сонетов под общим названием «Пять английских поэтов», посвященных Чаттертону, Блейку, Кольриджу, Китсу и Шелли.

Утверждая, что Чаттертон стоит у истоков нового искусства, Россетти сравнивает его с великими титанами романтизма, а также созданными ими образами: *"With Shakespeare's manhood at a boy's wild //Through Hamlet's doubt to Shakespeare near //And kin to Milton through his Satan's pride, – //At Death's sole door he stooped, and craved a dart.*"³⁰ [11]. В первых строках сонета автор сравнивает талант Чаттертона с Шекспиром, что является очень ответственным и сильным сравнением, которое в полной мере отображает значимость и масштабность его творчества. Но здесь же мы видим ("Hamlet's doubt to Shakespeare near") сравнение его внутреннего состояния с шекспировским Гамлетом. Это свидетельствует о том, что, несмотря на всю зрелость своего таланта, Чаттертон пребывает в постоянных душевных терзаниях и, так же как и герой знаменитой трагедии, не выдерживает, и разочарованный жизнью погибает, полный ненависти и разбитых надежд. Он называет его стремление добиться признания и знаменитости дьявольской гордыней («Satan's pride») из произведения Мильтона «Потерянный рай». Как известно, Чаттертон был очень амбициозен и самоуверен, он считал свой талант непревзойденным и был очень нетерпим к критике. Это честолюбие его и погубило. Россетти стремится достичь, по возможности, полного сходства поэтического образа Чаттертона с реальным, но признает, что последний остается для него загадкой: *"Thy gallant sword-play: – these to many and one //Are sweet forever; as thy grave unknown //And love-dream of thine unrecorded face"*³¹[11].

Заключение. Итак, Чаттертон оказался идеальной фигурой романтизма, вдохновляющей последующее поколение поэтов своим творчеством, загадочностью образа и трагической судьбой. Он стал своего рода романтическим архетипом поэта. Стоит отметить, что почти во всех посвященных ему лирических произведениях «нужда», «безнадёжность», «смерть» носят метафорический и персонифицированный характер и являются ярким контрастом к личности поэта, усиливая трагичность сюжета. Во многих произведениях поднимаются проблемы социально-политического, культурного, художественного плана. И каким бы маргинальным поэтом своего времени ни был Чаттертон, нашлись его единомышленники, которые вместе с молодым поэтом восприняли новое веяние в искусстве и потому восхваляли и прославляли уже посмертно его творчество и явились продолжателями его идей. Кроме того, Чаттертон не только произвел творческую революцию, но и мотивировал своих последователей на создание огромного количества прекрасных, ярких, идейных произведений о себе. Вдохновленные его образом поэты подарили миру прекрасные лирические строки, полные самых разнообразных эпитетов, метафор, сравнений: *"ill-fated youth", "a hapless bard", "the fairest flower", "poor child of song", "a genius formed in Shakespear's mould /untutored, piercing clear and bold", "sweet fancy's child"*... Настолько значимым был феномен Чаттертона в глазах его последователей, что поэта сравнивали с Аполлоном, Гамлетом, называли новым Мильтоном и Шекспиром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вордсворт, У. Решимость и независимость / У. Вордсворт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=75856>. – Дата доступа: 05.06.2014.
2. Китс, Дж. Сонет Чаттертону / Дж. Китс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/POEZIQ/KITS/keats1_4.txt. – Дата доступа: 28.05.2014.
3. Кольридж, С.Т. Монодия на смерть Чаттертона / С.Т. Кольридж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.ws/chapter.php/1017275/241/Poeziya_angliyskogo_romantizma_XIX_veka.html. – Дата доступа: 25.05.2014.

²⁹ Но все прошло: среди других орбит //Ты сам звездой сияешь лучезарной, //Ты можешь петь, ты выше всех обид //И, слез не скрыв, потомок оградит //Тебя, поэт, от клеветы коварной. (Перевод – В. Левика) [2].

³⁰ Душою зрелой, дерзко-молодой – Чрез Гамлета с Шекспиром породнён //И с Мильтоном чрез Люциферов трон Ты Смерть молил сразить тебя стрелой. (Перевод – С. Сухарева) [4].

³¹ Твои приюты, славный Чаттертон, /Высь, что достиг твой гений вдохновенный, //И против зол мирских твой дерзновенный //И честный выпад – многим дорог он. //Твой гроб безвестен, но для всех времён //Твой образ, кистью не запечатленный. (Перевод – С. Сухарева) [4].

4. Россетти, Д.Г. Томас Чаттертон /Д.Г. Россетти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2006/06/18-774>. – Дата доступа: 10.06.2014.
5. Уайтхед, Дж. Серьезные забавы / Дж. Уайтхед. – М., 1986. – 290 с.
6. Carey, Th. Elegy to the Memory of Mr. Thomas Chatterton, Late of Bristol/Th. Carey [Electronic resource]. – Mode of access: <attachment:/190/CommentRecord.htm>. – Date of access: 25.02.2014.
7. Coleridge, S.T. Monody on the Death of Chatterton/ S.T. Coleridge/ [Electronic resource]. – Mode of access: [http://en.wikisource.org/wiki/Monody_on_the_Death_of_Chatterton_\(1834\)](http://en.wikisource.org/wiki/Monody_on_the_Death_of_Chatterton_(1834)). – Date of access: 05.03.2013.
8. Groom, N. Romanticism and Forgery/ N. Groom. – London, 2007. – 380 p.
9. Keats, J. The Poetical Works / John Keats; ed: H. Buxton Forman. – Boston, 1895. – 661 p.
10. Robinson, M. Monody to the Memory of Chatterton / M. Robinson [Electronic resource]. – Mode of access: <attachment:/146/CommentRecord.htm>. – Date of access: 04.02.2014.
11. Rossetti D.G. Thomas Chatterton / D.G. Rossetti [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.poemhunter.com/poem/thomas-chatterton-2/>. – Date of access: 14.02.2014.
12. Rushton, E. Poetms/ E. Rushton. – London, 1806. – 163 p.
13. Scott, J. of A. Ode. Written after a Journey to Bristol / J. of A. Scott [Electronic resource]. – Mode of access: <http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=6931>. – Date of access: 10.01.2014.
14. Spencer, E. On Reading a Short Panegyric on Chatterton, in Tasker's Annus Miraabilis / Elisa Spencer [Electronic resource]. – Mode of access: <http://spenserians.cath.vt.edu/CommentRecord.php?action=GET&cmmtid=12128>– Date of access: 10.02.2014.
15. Wordsworth, W. Resolution and Independence / William Wordsworth [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.poetryfoundation.org/poem/174814>– Date of access: 24.01.2014.

Поступила 11.04.2014

THE PHENOMENON OF THOMAS CHATTERTON AS A ROMANTIC MYTH IN THE ENGLISH POETRY OF THE XVIII–XIX CENTURIES

M. ANISIMOVA

The image of Thomas Chatterton in the English poetry of the XVIII–XIX centuries is analyzed in the article. The peculiarities of perceiving his personality and art as well as the burning social and cultural issues awoke by his tragic life are considered in the works of T. Carey, S.T. Coleridge, E. Rushton, M. Robinson, W. Wordsworth, J. Keats and pre-raphaelite D. G. Rossetti. Special attention is paid to the variety of the artistic means used by the authors for creating Chatterton's tragic and sublime figure and also to the reasoning on the out and the reverse side of poetry and art in general. On the bases of the analyzed material we trace the tendency towards (we make a conclusion about) romanticizing Chatterton's phenomenon and his significance not only as a poet who was one of the first to establish the romantic tradition but also as a vivid poetic image contributing to the thriving of this tradition.